



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Библиотека Тименевыхъ.

№ 7447.

Феллетр. рус.



ЧЕРНЕЦЪ.

XV

4133

Kozlov, I. I.
" ЧЕРНЕЦЪ,

КІЕВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА КОЗЛОВА.

« The wither 'd frame, the ruined mind,
The wrack by passion left behind,
A shrivelled scroll, a scatter 'd leaf,
Seared by the autumn blast of grief! »

Lord Byron. The Giaour.

Издание второе.

XV
4133

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

PG 3337
K654C5
1825

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска
изъ типографіи, представлено было въ Цен-
зурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей
книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на
основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Маія
6 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы не хотимъ предупреждать суда нашихъ читателей о небольшой поэмѣ, которую здѣсь имъ предлагаемъ: и безъ насъ они найдутъ въ ней красоты возвышенныя, и безъ насъ могутъ замѣтить, что воображеніе поэта согрѣло пламенемъ чувства, что языкъ его силенъ, простъ и живописенъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ поэтѣ. Судьба его должна возбудить нѣжнѣйшее участіе въ каждомъ благородномъ сердцѣ. Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него гениемъ живошворящимъ. « Несчастіе — сказалъ нѣкто — можно сравнить съ
« Великаномъ, имѣющимъ голову свѣтозарную
« и ноги свинцовыя. Кто самъ высокъ, или
« кто можетъ возвыситься, чтобы посмо-
« трѣть прямо въ лице сему ужасному по-
« сланнику Провидѣнія: тогда озарится его
« блескомъ, и собственное лице его просвѣ-
« шается; но тогда, кто низокъ, или кто,
« ужаснувшись ослѣпительнаго свѣта, накло-
« нитъ голову, чтобы его невидать: тогда
« попадетъ подъ свинцовыя ноги спрашили-

Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ днѣ съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ:
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу: и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое огарованье.
Такъ въ темну ногъ цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для очей.

Санктпетербургъ.

17 Сентября, 1824 года.

ЧЕРНЕЦЪ.

I.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Межъ дикихъ скалъ кипишъ, шумишъ,
Урощи на горѣ высокой
Обишель иноковъ споишъ;
Вокругъ нея спѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у священныхъ ворошъ
Съ чудотворящею иконою,
И подлѣ ключъ воды спуденой

Журчишь цѣлипельной струёй
Подъ тѣнью липы вѣковой.

II.

Вечерній мракъ въ шуманномъ полѣ;
Заря ужъ гаснеть въ небесахъ;
Не слышно пѣсень на лугахъ,
Въ долинахъ спадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не запрудишь,
Никто не пройдетъ; лишь порою
Чуть колокольчикъ прозвѣнишь
Вдали дорогой сполбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ.
Взошелъ я мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды спятъ;
Пробилъ на башнѣ часъ урочный;
Обишелъ въ сонъ погружена;

Повсюду миръ и тишина.
 Въ далекой кельѣ лучъ лампадный
 Едва блеснишь; и въ кельѣ той
 Свой вѣкъ кончаетъ безоправданный
 Чернецъ, спрадалецъ молодой.
 Упраты, спрасны и печали
 Свой знакъ ужасный начертали
 На пасмурномъ его челѣ;
 Гроза въ сердечной глубинѣ;
 Судьба его покрыва тмою:
 Откуда онъ, и кто такой?
 Не знаюшъ. Но въ враждѣ съ собой
 Онъ мучимъ тайной роковою.
 Разъ ночью въ бурю онъ пришелъ;
 Съ тѣхъ поръ въ обители остался,
 Жизнь иноковъ печально велъ,
 Дичился всѣхъ, онъ всѣхъ скрывался.
 Его видъ чудный всѣхъ спрашивалъ;
 Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
 Но въ глубинѣ души унылой

Ужасное замѣтно было.
 Въ торжественный молишвы часъ
 И онъ пѣвалъ хвалебный гласъ...
 Но часто вопли тяжкой муки
 Святые прерывали звуки!
 Бывало, онъ во шмѣ ночей
 Покоя въ кельѣ не находилъ,
 И въ длинной мантіи своей
 Между могилъ, какъ призракъ, бродилъ—
 Теперь недвижимъ, ждешь конца:
 Недугъ перзаесть Чернеца.

III.

Предъ нимъ со взоромъ умиленья
 Держалъ Игуменъ крестъ спасенья.
 И тяжко спраждущій вздыхалъ:
 Онъ пламенѣлъ, онъ шепеталъ,
 Онъ дважды тихо приподнялся,

Онъ дважды рѣчь начавъ спарался;
 Казалось, нѣкій грозный, сонъ
 Воспомятъ спрашился онъ,
 И робко, дико озирался.
 Чернецъ, Чернецъ, уже ли ты
 Все помнишь прежнія мечпы!...
 Но превозмогъ онъ страхъ могилы;
 Зажглися гаснуція силы;
 Онъ спарца за руку схватилъ,
 И такъ спрадалецъ говорилъ:

VI.

Опець! Межъ васъ пришлецъ утрюмый,
 Быть можешь, я моей поской
 Смуцаль спасишельныя думы
 И миръ обипели свяпой.
 Вопъ тайна: дней моихъ весною
 Ужъ я все горе жизни зналъ;

Я взросъ бездомнымъ сиротою,
 Родимой ласки не видалъ;
 Веселья дѣтскаго пролешали,
 Едва касаясь до меня;
 Когда ровесники играли,
 Уже задумывался я;
 Огонь и чистый и прекрасной
 Въ груди молодой пылалъ напрасно:
 Мнѣ было некого любить!
 Увы, я долженъ былъ тайно,
 Спрашась холоднаго презрѣнья
 Опъ непривѣтливыхъ людей,
 И сердца пылкаго волненья,
 И первый жаръ души моей!
 Уныло разцвѣтала младость;
 Смотрѣлъ я съ дикостью на свѣтъ;
 Не зналъ я, чѣмъ такое радостно!
 Опъ самыхъ опроческихъ лѣтъ
 Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
 Жилъ нечеловѣчно въ тишинѣ,

И жизнь суровая, прослая
 Оспрадно казалась мнѣ.
 Любилъ я по лѣсамъ скипашься,
 День цѣлый за звѣрьми гоняшьяся,
 Широкой Днѣпръ переплывашь,
 Любилъ опасностью играшь,
 Надъ жизнью дерзосно смѣяшьяся:
 Мнѣ было нечего теряшья,
 Мнѣ было не съ кѣмъ распаивашьяся.

V.

Но вскорѣ съ Невскихъ береговъ
 Покрытый воинъ сѣдинами
 Приѣхалъ вѣкъ дожившъ межъ нами
 Подъ тѣнью опческихъ дубровъ.
 Онъ жилъ въ селѣ своемъ съ женою,
 И съ ними дочь въ семнадцать лѣтъ...
 О старецъ! Гробъ передо мною,
 Во взорахъ нимипся Божій свѣтъ,

Ея давно ужъ въ мірѣ нѣшъ...
 Но ея все живу одною;
 Она одна въ моихъ мечтахъ,
 И на землѣ, и въ небесахъ!
 Опецъ святой, шеперь напрасно
 О ней тебѣ подробно знашь!
 Я не хочу ее назвасть!
 Молися только о несчастной!
 Случайно насъ судьба свела; ●
 Ея красы меня плѣнили;
 Она мнѣ сердце опдала,
 И масть съ опцомъ насъ обручили.
 Уже наложъ съ вѣнцами ждалъ;
 Все горе прежнее въ забвеньи;
 И я въ сердечномъ упоеньи,
 Дивясь, Творца благословлялъ.
 Давно ль, печально увядая,
 Была мнѣ въ пятоспѣ жизнь младая?
 Давно ли духъ помился мой,
 Убитый хладною тоской?

И вдругъ дано мнѣ небесами
 И жить и чувствовать вполне,
 И плакать сладкими слезами,
 И видѣть радость не во снѣ!
 Съ какой невинностью святою
 Она пылающей душою
 Лила блаженство на меня!
 И кто изъ смертныхъ подъ луною
 Такъ могъ любить ее, какъ я?
 Сбылося въ ней мое мечтанье,
 Весь тайный міръ души моей:
 И я, любви ея созданье,
 И я воскресъ любовью къ ней!

VI.

Но снова рокъ ожесточился;
 Я снова обрѣченъ бѣдамъ.
 Какой-то вдругъ на гибель намъ

Далекій родственникъ явился;
 Онъ Польскихъ войскъ хорунжій былъ;
 Злодѣй, онъ чести измѣнилъ!
 Онъ прежде самъ коварно льстился
 Съ ней въ бракъ насильственно вступилъ,
 Хотѣлъ ограбить, припѣснить,
 И презрѣнъ былъ, и только мщенья
 Искалъ съ улыбкой примиренья.
 О мой отецъ! Сердечный жаръ
 Благихъ небесъ высокій даръ:
 Нѣтъ, не горитъ огонь священной
 Въ душѣ, порокомъ омраченной.
 Не видно звѣздъ въ туманной мглѣ:
 Любовь святое на землѣ.
 Ему ль любишь!... Но ахъ, судьбою
 Намъ съ нашей матерью родною
 Была разлука суждена!
 Она незапно сражена
 Недугомъ тяжкимъ... мы рыдали;
 Мы одръ съ молитвой окружали:

Наспалъ неизбѣжимый часъ:
 Родная скрылася опъ насъ.
 Еще шеперь передъ очами,
 Какъ въ спрашную разлуки ночь
 Теплѣйшей вѣры со слезами
 Свою рыдающую дочь
 Земная масть благословляла,
 И взявъ дрожащую рукой
 Пречистой Дѣвы ликъ свяпой,
 Ее Небесной поручала.
 Съ кончиной манери смѣлѣй
 Спалъ мспинъ неисповый злодѣй:
 Онъ клеветалъ; уловкой злою
 Онъ слабой овладѣлъ душою,
 И старецъ слову измѣнилъ;
 Желанный бракъ разрушенъ былъ.
 Обманушъ низкой клеветою,
 Онъ мнилъ, безжалоспный онецъ,
 Что узы пламенныхъ сердець
 Могъ разорвать; и дочь младая,

Его колѣна обнималъ,
 Вопще лила попоки слёзъ;
 Но я ни гнѣва, ни угрозы,
 Ни мщенья ихъ не убоаяся,
 Злодѣя презрѣлъ, дочь увёзъ,
 И съ нею тайно обвѣнчался.

VII

Быть можеть, ты, отецъ свяной,
 Меня за дерзость обвиняешь;
 Но, старецъ праведный, не знаешь,
 Не зналъ ты спраспи роковой.
 Ты видишь сердца препенанья,
 И смерпный хладъ, и жаръ дыханья,
 И блѣдный ликъ, и мушный взоръ,
 Мое безумье, мой позоръ,
 И грѣхъ, и кровь—вошь пламень спраспный!
 Моей любви вошь слѣдъ ужасный!

Но будь мой рокъ еще страшнѣй:
 Она была... была моей!
 О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
 Какъ, ушѣсненныя судьбой,
 Наидя въ себѣ весь міръ земной,
 Другъ друга пламенно любили!
 Живою нѣжноспью мила,
 Въ поскѣ задумчивой милѣе,
 На радостнѣ миѣ она цвѣла;
 При ней душа была свѣплѣе.
 Промчался годъ прелестнымъ сномъ;
 Ужъ мнилъ я скоро бытъ опцомъ;
 Мы сладко въ будущемъ мечтали,
 И оба вмѣстѣ уповали:
 Родипель гнѣвный намъ проспитъ.
 Но злоба алчная не спитъ:
 Въ опасный часъ къ намъ вѣспѣ несется,
 Чпо вся надежда опняпа,
 Чпо дочь опцомъ ужъ прокляша...
 Обманъ ужасный удаеися;

*

Злодѣй несчастную убилъ:
 Я мать съ младенцемъ схоронилъ.
 И я... Творецъ!... надъ тою могилой,
 Гдѣ легъ мой сынъ съ подругой милой,
 Стоялъ, и живъ!...

Отецъ святой,

Какъ было, что потомъ со мною,
 Не знаю: вдругъ какой-то шмою
 Былъ омраченъ разумокъ мой;
 Лишь помню, что, большой дорогой
 И день и ночь скипаясь, я
 Упалъ; когдажъ вошелъ въ себя,
 Лежалъ ужъ въ хижинѣ убогой
 Везъ чувства бѣдъ моихъ, безъ силъ;
 Я жизнь спраданьемъ пережилъ,
 И въ сердцѣ замерло волненье;
 Не скорбь, но страхъ и удивленье
 Являло помное лицо;
 Въ душѣ все прежнее уснуло;

Но невзначай въ глаза мелькнуло
Мое вѣнчальное кольцо...

.

VIII.

Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ опчяньи, въ слезахъ,
Блуждалъ съ душой осиропѣлой
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ;
Мой спонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ;
Угрюмый, скорбный, одичалой
Терзался я мечпой бывалой;
Рыдалъ о щомъ, чего ужъ нѣтъ;
Ночная пѣнь, попокъ нагорной,
И бури свистъ, и вѣтровъ вой
Сливались впайнѣ съ думой чѣрной,
Съ неушолимою шоской;

И горе было наслажденьемъ,
 Святымъ оспашкомъ прежнихъ дней:
 Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ,
 Я несовѣмъ разстался съ ней.

IX.

Гдѣ сердце любить, гдѣ спрадаешъ,
 И милосердый Богъ нашъ тамъ:
 Онъ крестъ даешъ, и Онъ же намъ
 Въ крестѣ надежду посылаетъ.
 Черезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
 Блеснулъ и мнѣ оправдный свѣтъ.
 Однажды я ночной порою
 Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
 И неба огневъздный сводъ,
 И тихое луны мерцанье,
 И говоръ лиственъ, и плесканье
 Луной осеребренныхъ водъ,

Невольно душу все плѣняло;
 Все въ міръ блаженства увлекало
 Своей таинственной красой.
 Проснулся духъ мой сокрушенной:
 « Творецъ всего! Младенецъ мой
 « Съ моей подругой незабвенной
 « Живущъ въ спранѣ Твоей святой;
 « И, можешь быть, я буду съ ними,
 « И тамъ онѣ навѣкъ моими!...»
 Любви понятны чудеса:
 Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
 Дрожало сердце упованьемъ;
 Я поднималъ взоръ на небеса,
 Дерзая ихъ вопрошать слезами....
 И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
 Сей безмятежный океанъ
 Съ его неплѣянными звѣздами.
 Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
 Нашелъ, отецъ мой, утѣшенье,
 И плечамъ уповалъ крестомъ

Съ ней выпрадать соединенье,
 Еще, бывало, слезы лью,
 Но ихъ надежда услаждала,
 И горестъ пихая смѣняла
 Печаль суровую мою.
 Забылъ я, вѣрой пламенѣя,
 Мое несчастіе и злодѣя:
 Она съ младенцемъ въ небесахъ
 Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
 Я къ ней душою возносился;
 И мысль однимъ была полна:
 Желалъ бытъ чистымъ, какъ она,
 И съ жизнью радостно проспился;
 Но умереть хотѣлось мнѣ
 Въ моей родимой споронѣ.
 Я спалъ скучающъ въ горахъ чужбины:
 На рощи наши, на долины,
 Хотѣлъ послѣдній бросишь взглядъ,
 Увидѣшь край, весь ею полный,
 И сельскій домикъ нашъ, и садъ,

И синія Днѣпровски волны,
 И церковь на холмѣ, гдѣ сплѣ
 Въ пѣсни березъ ихъ пепель милой,
 И какъ надъ шихою могилой
 Заря вечерняя горитъ.

Х.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
 Когда въ святой красѣ своей
 Вдругъ видъ открылся предо мною
 Родимыхъ Кіевскихъ полей!
 Они, какъ прежде, зеленѣли,
 Волнами шакже Днѣпръ шумѣлъ,
 Все пошъ же лѣсъ вдали шемнѣлъ,
 На жнивахъ пѣже пѣсни пѣли,
 И шакже все въ спранѣ родной,
 А нѣшъ лишь шамъ ея одной.

Вездѣ знакомыя долины,
 Ручьи, пригорки и равнины
 Въ прелестной, милой тишинѣ
 Со всѣхъ споронъ являлись мнѣ
 Съ моими свѣтлыми годами;
 Но съ оправленною душой,
 На родинѣ пришлецъ чужой,
 Я ихъ привѣтствовалъ слезами
 И безопрядною тоской.
 Я шель; день къ вечеру склонялся;
 И скоро сельскій Божій храмъ
 Предсталъ испуганнымъ очамъ;
 И внѣ себя я приближался
 Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена...
 Вся жизнь моя погребена.
 Я чуть ступалъ, какъ бы спрашивая
 Прервать ихъ непробудный сонъ;
 Въ груди стѣснялъ мой тяжкій спонъ,
 Чтوبъ ихъ покой не возмутился;
 Спрашивая въспревоженнымъ своимъ

Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
 Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой.
 Дышалъ я воздухомъ святымъ,
 Творилось дивное со мною,
 И я съ надеждой не земною
 Колѣна шихо преклонилъ,
 Молился, плакалъ и любилъ.....
 Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
 Гляжу, чпожъ взоръ встрѣчаетъ мой?
 Жнеца съ подругой молодой,
 И возъ, накладенный снопами;
 И вижу я, между сноповъ
 Сидишь въ вѣнкѣ изъ васильковъ
 Младенецъ съ алыми щеками.
 Невольно я зашрепешалъ:
 « Я все имѣлъ, все потерялъ.
 « Намъ не дали жить другъ для друга.
 « Въ сырой землѣ моя подруга,
 « И не въ цвѣтахъ младенецъ мой;
 « Его червь шочитъ гробовой. »

Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
 Безъ памяти бросаюсь я;
 Горѣло сердце у меня;
 Тоска души убила силу;
 Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
 Руками жадными моими
 Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними;
 Въ безумствѣ дикомъ я ропшалъ;
 Мнѣ что-то спрашное мечталось;
 Едва дышалъ я; въ мушной пѣмѣ
 Сливалось все, какъ въ пятакомъ снѣ;
 Ужъ чувство жизни пресѣкалось,
 И я лежалъ между гробовъ
 Мершвѣй ихъ хладныхъ мершвецовъ.
 Но свѣжій воздухъ, влажностъ ночи
 Спрадальца вновь живошворяшъ;
 Вдохнула грудь, открылись очи,
 Кругомъ бродилъ мой помный взглядъ:
 Все было тихо, скрыто мглою,
 Въ шумахъ мѣсяцъ чупъ свѣпиль,

И лишь могильною правою
 Полночный вѣсперъ шевелилъ.

XI.

Я вспалъ, и скорыми шагами
 Пошелъ съ пошупленной главой
 Черезъ поляну; за кустами
 Вилась дорога подъ горой;
 Почпи безъ памяши, безъ цѣли,
 Я шель куда глаза глядѣли:
 Изъ-за кустовъ на вспрѣчу мнѣ
 Несется кто-то на конѣ.
 Не знаю самъ, какой судьбою....
 Но вдругъ.... я вижу предъ собою
 При блескѣ шрепешномъ луны
 Убійцу сына и жены.
 Опецъ, то вспрѣча роковая!
 Я шель, весь міръ позабывая;

Не думалъ я его искапъ;
 Я не хопѣлъ ему опмищанъ;
 Но онъ, виновникъ разлученья,
 Онъ шамъ, гдѣ милые въ гробахъ,
 Когда еще въ моихъ очахъ
 Дрожали слезы испуленья...
 То знаешь совѣспъ, видишь Богъ;
 Хопѣлъ проснишь, проснишь не могъ.
 Я измѣнилъ свяшой надеждѣ,
 Я вспомнилъ все, чпо было прежде,
 И за узду схватилъ коня:
 «Злодѣй, узналъ ли ты меня?»
 Онъ робко смошришь, онъ дивинся,
 Онъ саблю обнажишь спреминся,
 Увы, со мною былъ кинжалъ!...
 И онъ въ крови съ коня упаль.

Тогда еще не разсвѣшало;
 Я виѣ себя иду назадъ;
 И роши и ноля молчанъ,

Передъ зарею все дремало,
 Лишь неся гуль издалика,
 Какъ конь скакаль безъ сѣдока.
 Безчувспенно я удалялся.
 Все, что сбылось, казалось мнѣ,
 Какъ что-то спранные во снѣ.
 Вдругъ звонъ къ заупренѣ раздался...
 Огнями свѣплый храмъ сіяль,
 А небо вѣчными звѣздами,
 И лунный свѣшъ осеребряль
 Могилы пихія съ крестами;
 Призывный колоколь звѣнѣль;
 А я споляль, а я смотрѣль,
 Я въ свѣплый храмъ иппи не смѣль...
 « О чемъ шеперь, и какъ молишься?
 Чего мнѣ ждашь у олшарей?
 Мнѣ ль уповашъ навѣки съ ней
 Въ свяшой любви соединишься?
 Какъ непорочность сочешашъ
 Убийцы съ буйными спраспами?

Какъ въ небѣ ангела обняшь
Окровавленными руками?»

ХІІ.

Въ обитель вашу я вступилъ,
Искалъ я слезъ и покаянья;
Увы, я грѣшный погубилъ
Святыя сердца упованья!
Бывало, бѣдствіе мое
Я вѣрой улаждалъ всечасно;
Теперь — до гроба жинь ужасно!
За гробомъ — вѣчность безъ нее!
Я мнилъ, отецъ мой, между вами
Небесный гнѣвъ смягчить слезами,
Я мнилъ, что поспѣ, молитва, трудъ
Винѣ прощенье обрѣшутъ;
Но и въ обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шумъ;

Проснулись прежнія волненія,
 И сердце полно прежнихъ думъ.
 Вездѣ, опчаяньемъ помимый,
 Я вижу ликъ неопразимый;
 Она въ умѣ, она въ рѣчахъ,
 Она въ моленіи на усахъ;
 Къ ней сердце пылкое спремится,
 Но тѣнь священную боится
 На лонѣ мира возмущить.
 О, вѣрь, необагранный кровью,
 Дышалъ я чистою любовью,
 Умѣлъ земное позабыть:
 Я въ небесахъ съ ней думалъ жить!
 Теперь, какъ гибельнымъ ударомъ
 И памъ я съ нею разлученъ,
 Опять горю безумнымъ жаромъ,
 Тоскою дикой омраченъ.
 Здѣсь, на соломѣ, въ кельѣ хладной,
 Не предъ крестомъ я слезы лью;
 Я вяну, мучуся, люблю,

Въ печали сохну безопрадной;
 Весь ядъ, все бѣшенство спрасней
 Кипящъ опять въ груди моей,
 И, жертва буйнаго спраданья,
 Мои пресупные рыданья
 Тревожатъ таинство ночей.

ХІІІ.

Вчера—бѣшь полночь—спрахъ могилы
 Послѣднѣя разрушилъ силы —
 И предъ Иконою святой
 Съ непоспѣжимою тоской
 Я изливалъ мои спраданья;
 Я Милосердаго молилъ,
 Чтѣбъ грѣхъ кровавый мнѣ простишь,
 Чтѣбъ принялъ слезы покаянья.
 Вдругъ что-то, свыше осяня,
 Какъ будто душу озарило

И тайной святошью страшило,
 Отецъ мой, грѣшнаго меня.
 Лампада лучъ дрожащій, блѣдной
 Бросала томно въ кельѣ блѣдной.
 Покрыта бѣлой пеленой,
 Она предспала предо мной,
 И черныя горѣли очи
 Ярче звѣздъ осенней ночи.
 О, нѣтъ, то былъ не призракъ сна
 И не обманъ воображенья!
 Святой отецъ, къ чему сомнѣнья!
 Съ нея слетѣла пелена,
 И то была, повѣрь....она!
 Она, прелестная, молодая;
 Ея улыбка неземная;
 И кудри темныя съ чела
 На грудь лилейную бѣжали,
 И, мнилось мнѣ, ея ушна
 Былое, милое шептали;
 Все та жъ любовь въ ея очахъ,

*

И нашъ младенецъ на рукахъ
« Она!... Прощень я небесами!»
И слезы хлынули рѣками.
Я виѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьется,
Молчишь плѣнительная плѣнь;
Неумолимая несется
Опять въ таинственную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обманушы, онѣ
Къ груди прижались однѣ.
Уже ль опринушы моленья?
Уже ль ты вѣспникъ отверженья?
Или, въ ужасный смерщный часъ,
Моя все вѣрная подруга,
Хотѣла ты въ послѣдній разъ
Взглянуть на гибнущаго друга? — —
И съ ложа на колѣна палъ

Чернецъ; и замеръ голосъ муки;
 Взоръ оживился, засверкалъ;
 Къ чему-то вдругъ просперъ онъ руки,
 Какъ изступленный закричалъ:
 « Ты здѣсь опять!... конецъ разлуки!
 « Зовешь!... моя!.. всегда!.. вездѣ!..
 « О, какъ свѣшла!.. къ нему!.. къ тебѣ!...»

XIV.

Два дни, двѣ ночи онъ помился,
 И горько плакалъ и молился;
 На претью ночь опецъ свяшой
 Обишель мирную сзываетъ;
 Послѣдній часъ уже лепашъ
 Надъ юной грѣшною главой.
 И въ келью брапа со свѣчами
 Соборомъ иноки вошли,
 И бѣлый саванъ принесли...
 И гробъ досчатый за дверями.

Печалень былъ ихъ почный гласъ,
 За упокой души молящихъ;
 Печалень видъ ихъ черныхъ рясъ
 При пускломъ блескѣ свѣчь горящихъ.
 Прочитана святымъ опцомъ
 Опходная надъ Чернецомъ.
 Когда жъ минуша роковая
 Пресѣкла гореспный удѣлъ,
 Онъ, плѣнный прахъ благословляя,
 Ударить въ колоколъ велѣлъ....
 И звонъ прекрасно раздаётся
 Надъ полуночною волной,
 И объ усопшемъ вѣспъ несётся
 Далеко зыбкою рѣкой.
 Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
 Гдѣ схимникъ праведный спасался:
 « Покойникъ! » спарець прошепталъ,
 Открылъ наложь, и чепки взялъ.
 У рыбаковъ сонъ безмящезной
 Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной:

Грудной младенецъ спалъ кричащъ;
Его крестипъ съ просонья мапъ;
Творишь молишву начинаешъ,
И тихо колыбель качаешъ;
И передъ плѣющимъ огнёмъ
Опять уснула крѣпкимъ сномъ.
И черезъ поле той порою
Шель пупникъ съ милою женою;
Они свой ужась въ темну ночь
Веселой пѣснью гнали прочь:
Но только звуки раздалися;
Перекрестились, обнялися,
Пошли грустнѣй рука съ рукой...
И звукъ ушихъ во тмѣ ночной.

К ъ Д Р У Г У

В. А. Ж.

КЪ ДРУГУ

В. А. Ж.

(По возвращеніи его изъ путешествія),

Опять ты здѣсь! опять судьбою
Дано мнѣ вмѣстѣ быть съ тобою!
И взоръ хотя попухшій мой
Ужъ взоровъ друга не встрѣчаетъ;
Но сердцу вяшій голосъ твой
Глубоко въ душу проникаетъ.
О! долго въ дальной споронѣ
Ты зажился, нашъ пупникъ милый!
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!
Но я любилъ не разучился,

Друзей моихъ не забываль,
 Опшъ нихъ нигдѣ не опспаваль,
 И часпо мысленно носилсѧ
 Съ побою выше облаковъ,
 Въ спранѣ, гдѣ посреди снѣговъ
 Весна роскошно зеленѣетъ,
 Гдѣ виноградъ душистый рдѣетъ,
 Дубровы мирныя шумѧтъ,
 Луга красуются цвѣтами,
 И вѣковые льды горятъ
 Небесной радуги огнями.
 И часпо, часпо я съ побой
 Альпійскихъ вѣтровъ слушалъ вой,
 И мрачныхъ сосенъ суровый ропотъ,
 И тайный ихъ полночный шопотъ.
 Смотриѣль, какъ съ горъ пошокъ шамъбьетъ
 И грохотъ въ рощахъ раздаетъ;
 Лавина, рухнувъ, здѣсь падетъ,
 Черезъ селы спрашный путь беретъ
 И лавой снѣжною несетъ.

Но видъ утрюмой красоты
 Отъ сердца гонишь прочь мечны,
 И нась въсвященный препепъ вводишь.
 Бывало, чаще въ мысль приходишь,
 Когда ужъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
 Чпо другъ вечернею порой
 Въ раздумьи по долинамъ бродишь,
 Плывешъ по шихимъ озерамъ,
 И къ синимъ ихъ склонень спруямъ,
 Въ часы сердечнаго мечпанья,
 Чужимъ передаетъ волнамъ
 Родимыхъ волнъ воспоминанья
 И дальныхъ милыхъ мѣхъ полей,
 Гдѣ онъ въ безпечности своей
 Жизнь вспрѣшилъ, счастью довѣрясь,
 Когда надежда улыбаясь
 Тропинкой призраковъ вела:
 Тамъ онъ лелеялъ грусть и радость,
 И въ вдохновеньяхъ шамъ цвѣла
 Его задумчивая младосшь.

И кто жь весну свою забылъ?
Кто не живешь воспоминаньем?
И я его очарованьем
Бываю менѣ уныль,
Улыбку иногда встрѣчаю,
И, весь въ минувшемъ, забываю,
Какъ въ непреклонности своей
Судьба карасть меня умѣетъ —
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней
Тоской оправдую мнѣ вѣетъ.
И я, мой другъ, и я мечталъ!
Я видѣлъ сонъ любви и счастья,
Я свято сердцемъ уповалъ,
Что нѣтъ подъ небомъ имъ неасстья.
Съ зарей, ты знаешь, юныхъ дней,
Плѣненъ любимую мечтою,
Стремился я за ней одною,
И безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ
Казался степью лишь пустою;
Съ душой, наполненной огнемъ,

Я волнь и бурь не устрашилсѣ,
 И въ легкомъ челнокѣ моемъ
 Отважно по морю пустился.
 Меня манилъ надежды лучъ,
 И какъ гроза ни буншovala,
 Мнѣ изъ-за гнѣвныхъ черныхъ шучъ
 Звѣзда привѣтная сіяла:
 Чшо сердцу снилось, все сбылось!
 Ахъ! для чего же, молодое
 Мое ты счастье золотое,
 Такъ быстро, быстро пронеслось!
 Иль видно, другъ, сказать съ шобою:
 Не у меня ему госпитишь!
 Такъ мы слыхали, что порою
 Случайно пшичка залепилъ
 Опъ южныхъ острововъ прекрасныхъ
 Въ спрану дней мрачныхъ и ненастныхъ,
 Гдѣ дикій долъ и темный лѣсъ
 Не зрѣли голубыхъ небесъ —
 И тамъ зѣирною красою

И пѣнья нѣжностью простию
 Угрюмый боръ развеселилъ,
 Минутной нѣгой подарить!.....
 Но край, гдѣ буря обитаетъ,
 Ей не родная сторона:
 И, лишь залетная, она
 Мелькнешь, прельснешь и улетаешь.

Пять разъ зеленые поля
 Весна цвѣтами обновляла,
 Съ тѣхъ поръ, какъ, другъ, она меня
 Въ тѣнистыхъ рощахъ не видала.
 Пять цѣлыхъ лѣтъ, въ борьбѣ спрасней,
 Въ спорахъ, горемъ я томился;
 Окованъ злой судьбой моею,
 Во цвѣтѣхъ лѣтъ ужъ я лишился
 Всего, что въ мѣстѣ насъ манило,
 Всего, что радость намъ сулило.
 Могу ли усыпать цвѣтами
 Жизнь мою, кѣмъ жизнь моя цвѣла,

Которая въ груди загла
 Пылъ спраспный райскими мечтами,
 И въ даль шуманную со мной
 Шла радостно рука съ рукой!...
 Мой другъ, простиась съ очарованьемъ
 Душею быть семьи своей,
 Щипомъ, опрадой, упованьемъ
 Подруги милой и дѣшей,
 Уже дружилъ я съ поскою,
 Забылъ себя, спалъ ими жить,
 Умѣлъ ихъ окружить собою,
 Въ одно мои всѣ чувства слилъ,
 Любовью счастье замѣнилъ....
 Но чтожь!... и Божій свѣтъ скрываться
 Вдругъ началъ опъ моихъ очей!
 И я... я долженъ былъ расстаться
 Съ послѣдней радостью моей.
 Напрасно для меня, напрасно
 И солнце міръ животворитъ,
 И вѣгъ дышитъ мѣсяцъ ясной,

И зыбь попоковъ серебришь!
 Не буду зрѣшь полей зеленыхъ,
 Лазури свѣсплой чистыхъ водъ,
 Ни дня торжественныхъ красотъ,
 Ни звѣздъ, во тмѣ ночной зажженныхъ.
 Но, другъ, погда, какъ надо мной
 Рокъ свирѣпѣль, и вѣчной мглой
 И безопрадными годами
 Мою онъ душу ужаснулъ,
 Я, день и ночь вспрѣчавъ слезами,
 На поле, рощи не взглянулъ,
 Забылъ проспитъся съ небесами:
 Ахъ, на жену и на дѣшей
 Хотѣло сердце насмотрѣться,
 Хотѣлъ я, чпобъ въ душѣ моей
 Уже вовѣкъ не могъ сперешся
 Очамъ незримый образъ ихъ!
 « О! думаль я, въ бѣдахъ пвоихъ
 « Одно лишь счастье оставалось,
 « Чпобъ тѣхъ, кпо сердцу милы, зрѣшь;

« И сердце ими любовалось,
 « И могъ ты радости имѣшь!
 « Смотри на нихъ! Ужь наступаешь
 « Тотъ грозный мракъ, въ которомъ ты
 « Не узришь ихъ!... Дѣшей черты,
 « Ты знаешь, время измѣняешь,
 « Съ годами новый видъ даёшь;
 « Спрашисъ же: видъ сей измѣнился,
 « И будешь образъ ихъ не тотъ,
 « Который въ сердцѣ сохранился!»
 И я съ опчаянной поской
 На нихъ спремилъ взоръ шускый мой,
 На мигъ покинуть ихъ боялся,
 Къ моей груди ихъ прижималъ,
 Опъ горя думашъ забывалъ,
 Смотрилъ на нихъ.... но ужъ скрывался
 Мнѣ милый видъ въ какой-то пмѣ:
 Онъ исчезалъ, сливался съ мглюю,
 И то, что ешь, казалось мнѣ
 Давно-минувшею мечпою.

Угасъ, угасъ лучъ свѣплый дня,
 И сердце кровью обливалося:
 И все въ грядущемъ для меня,
 Какъ бездна гибели, являлось.
 Навѣки окруженъ я тмою!
 Любовь, жизнь, счастье, все за мной!
 Къ чему же мнѣ души волненье?
 Къ чему мнѣ чувства жаръ свяшой?
 О радость! ты не жребій мой!
 Мнѣ нѣтъ сердечныхъ упоеній;
 Я буду плѣтъ безъ услажденій;
 Такъ догараешь одинокъ
 Забытый въ полѣ огонёкъ;
 Онъ никого не согрѣваетъ,
 Ни чьихъ не радуешь онъ глазъ;
 Его въ полночный пунникъ часъ
 Съ какимъ-то страхомъ убѣгаешь.
 О другъ! повѣрь, единый Богъ,
 Въ судьбахъ своихъ непоспѣжимый,
 Лишь Онъ, Всесильный, мнѣ помочь

Сперпѣшь ударъ сей несперпимый!
 Уже я духомъ упадалъ,
 Уже въ опчаяннѣ помился;
 Хотя ропшашъ и не дерзалъ,
 Но, ахъ, и уповать спрашился!
 Ужъ въ дикой гореспи своей
 Мои всѣ мысли запимевались:
 И жизнь и смерть въ судьбѣ моей
 Равно ужасными казались.
 Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ!
 Ты не забылъ свое шворенье!
 Ты видишь глубину сердець,
 Ты слышишь тайное моленье:
 Хвала тебѣ, мой страхъ исчезъ!
 Какъ Ангелъ мирный, благодапный,
 Какъ вѣспникъ милоспи небесъ,
 Незримый, тайный, но понятный,
 Носилось что-то надо мной:
 Душа опрадный гласъ ловила,
 И вѣра огненной спруей

Спрадальцу сердце оживила.

Мнѣ мнишься спало, чпо и я

Еще дышапъ любовью смѣю,

Чпо тяжкой учаспью моею

Онъ — мой опѣць, не судія —

Даепъ мнѣ способъ съ умиленьемъ

Его о дѣшихъ умоляпъ,

И имъ купишь моимъ терпѣньемъ

Его свяпую благодапъ!

И съ сей надеждою безцѣнной

Мнѣ сила крестъ неспи дана;

И съ ней въ душѣ моей смященной

Опять родилась пишина.

Но какъ навѣкъ всего лишишься?

Какъ міръ прелесный позабышь?

Какъ не желашъ, какъ не пужишь?

Живому съ жизнью какъ простишься?....

Тогда въ священной красотѣ

Внезапно дружба мнѣ предспала:

Она такъ радостно сіяла!
 Въ ея нашель я чистопѣ
 Упѣху, нѣжность, сожалѣе,
 И ея жизнь озарена;
 Ты правду намъ сказалъ: она
 Второе наше Провидѣе!
Свѣтлана добрая швоя
 Мою судьбу перемѣнила,
 Какъ Ангель Божій низлелѣя,
 Обишеть горя посѣпила
 И безушѣшнаго меня
 Опродой первой подарила.
 Случалось ли когда, что вдругъ,
 Невольной утѣшенъ шоскою,
 Я слезы лиль — шюгда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
 Въ надеждахъ вѣры ушпремляшь
 Всѣ чувшва на дѣшней искала,
 И чѣмъ мнѣ сердце ушладашъ,
 Своимъ шо сердцемъ ошгадала.

И вслѣдъ за ней явились мнѣ
 Тѣ добродѣтели святыя,
 Всегда, вездѣ ко всѣмъ благія,
 И лишъ могущія однѣ
 Печаль и горести земныя
 Въ блаженный превращають удѣлъ.
 А шамъ съ улыбкой прилежѣлъ
 И новый ангель-ушѣшитель,
 И сердца милый ободритель,
 Прекрасный другъ шоски моей:
 Небесной крошоснью своею
 И силой нѣжныхъ увѣщаній
 Она мнѣ сладость въ душу льещъ,
 Ласкаетъ, радуешъ, поешъ,
 И рой моихъ воспоминаній
 Съ цвѣтами жизни молодой,
 Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
 Лешаетъ снова надо мною.

Еще, мой другъ, два ушѣшенья

Оспались мнѣ: по легкихъ сновъ
 И призраковъ ночныхъ, явленья,
 И васъ, возвышенныхъ пѣвцовъ,
 Божественныхъ пѣснопѣнъ.
 Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
 Въ замѣну испины мнѣ данъ;
 Онъ жизни памятью оспался;
 О томъ, съ чѣмъ я навѣкъ распался,
 Правдивую даешь мнѣ вѣспъ;
 Опять мнѣ кажешь міръ привѣстный,
 Разнообразный, разноцвѣтный,
 Почти такимъ, каковъ онъ есть;
 Онъ мнѣ любимое являетъ
 Мечтой оправданю своей,
 И завѣсу съ моихъ очей
 Волшебной силою снимаетъ.
 Ахъ! удается часто мнѣ
 Смопрѣпъ на Божій свѣтъ во снѣ,
 Плѣняя мой жадный взоръ лѣсами,
 Рѣкою, нивами, полями,

И всей знакомой красотою
 Тѣхъ мѣспъ, гдѣ прежнею порою
 Я часпо ею любовался!
 Какъ ты, мой другъ, я не скипался
 Въ чужихъ далекихъ спорахъ:
 Все родина въ моихъ мечтахъ.
 Однажды, какъ-то я забылся
 Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
 И вдругъ далеко очутился
 Одинъ на берегу крупомъ,
 Тамъ, у родной Москвы(*). День знойный,
 Мнѣ снилось, ярко догаралъ,
 И вечеръ пламенно-спокойный
 Во всей красѣ своей блискалъ;
 Внизу Москва-рѣка сверкала,
 Игриво рощу обшекала;
 Въ дали гористой подъ селомъ

(*) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ Князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

Быль видѣнь лѣсъ, желѣбли нивы,
 А близъ Дербента (*) надъ прудомъ
 Тѣнисныя дремали ивы,
 И зеленѣло за рѣкой
 Дѣвичье поле предъ глазами,
 И монастырь бѣлѣлъ свяшой
 Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
 Опъ спѣнь къ приманчивымъ спруямъ
 Долинка ясная песпрѣла;
 Тупъ домикъ сельской; въ липахъ памъ
 Часовня спрятапъся хопѣла;
 На всѣхъ сосѣдственныхъ холмахъ
 Сады и дачи красовались,
 И въ яркихъ вечера огняхъ
 Спруей багряной освѣщались;
 И зелень рощей и полянь
 Сливалась съ птвердью голубою,
 И сплался золошой шуманъ

(*) Садъ Графини Пушкиной.

Надъ бѣлокаменной Москвою.
 Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
 Подобный видъ шебѣ являлся!
 Опянь, однажды, все во снѣ,
 Я ночью по Невѣ капался,
 Между роскошныхъ оспирововъ
 Лептѣль прозрачною рѣкою:
 И видъ красивыхъ береговъ,
 Дачь, рощей, просѣковъ, садовъ,
 Осеребряемыхъ луною,
 И озаренный Божій храмъ,
 И Царскій домъ, и мостъ чрезъ волны,
 Легко такъ брошенный, все памъ
 Плѣняепъ взоръ. Но вздохъ невольный
 Опъ сердца пѣжко вылешаль.
 Ты часпо, милый край, видалъ
 Меня близъ водъ пвоихъ спруиспыхъ,
 На изумрудныхъ берегахъ,
 И въ цвѣшникахъ пвоихъ душиспыхъ,
 И въ темныхъ рощахъ и въ садахъ:

До поздней ночи памъ съ поскою
Сижу, бывало, надъ Невою;
И часто ранняя заря
Меня въ раздумьи заснавала.
Но, ахъ, ужъ радость для меня
Давно съ зарей не разцвѣшала!
Еще жъ случается, что я
Сны болѣ по сердцу выдаю:
Я вижу васъ, мои друзья,
Мою жену, дѣшей ласкаю.
О, для чего жъ въ споль сладкомъ снѣ
Нельзя мнѣ вѣчно позабыться!
И для чего же должно мнѣ
Опянь на горе пробудиться!

Когда же я въ себѣ самомъ,
Какъ въ безднѣ мрачной, погружаюсь,
Какимъ волшебнымъ я щипомъ
Опъ черныхъ думъ обороняюсь?
Я слышу дивный арфы звонъ,

Любимцевъ музъ внимаю пѣнье,
 Огнемъ небеснымъ оживлёнъ,
 Мнѣ льется въ душу вдохновенъ,
 И сердце бьется, духъ кипитъ,
 И новый міръ мнѣ предстоитъ;
 Я въ немъ живу, я въ немъ мечтаю,
 Почти блаженство въ немъ встрѣчаю;
 Уже безъ спряданья роковой
 Досугъ въ занятыхъ пропекаетъ;
 Бесѣда мудрыхъ укрѣпляетъ
 Колеблемый разсудокъ мой;
 Дивитъ въ писателяхъ великихъ
 Разсказъ дѣяній знаменитыхъ,
 Иль нѣжной звучностью своей
 Лелеютъ арфы золотыя
 Мятежный жаръ души моей
 И сердца тайны дорогія.
 О, счастливы пошъ, кто обнимаютъ
 Душъ возвышенныхъ чувства, мнѣня
 Спремится съ тѣмъ, чтобъ повѣрять

Свои сердечныя движенья!
 Мы съ ними чувспвуемъ живѣй,
 Добрѣе, пламеннѣй бываемъ:
 Такъ Русь святая намъ свягѣй,
 Когда Карамзина читаемъ;
 Такъ пылъ въспревоженныхъ спрасшей
 Твой геній улаждашь умѣешь,
 И намъ любовь небеснымъ вѣешь,
 Когда надъ Ниною пвоей
 Невольно слезы наши лющся—
 И весело часы несущся!
 О, другъ, поэзія для всѣхъ
 Испочникъ силы, ободренья,
 Живошворишельныхъ ушѣхъ,
 И сладкаго самозабвенья!
 Но для меня лишь въ ней одной
 Цвѣшетъ прекрасная природа!
 Въ ней міръ разнообразный мой!
 Въ ней и веселье и свобода!
 Она лишь можетъ разгонять

Души угрюмое ненастье
И сердцу сладко напѣвашь
Его утраченное счастье.

Теперь, ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося;
О, вѣрь, оправдно въ грудь твою
Мое все сердце излилося!
Несносный страхъ душой оспынь
Всего ужаснѣй мнѣ казался,
И я спалъ пламеннѣй любя,
Чѣмъ болѣ чувствами спѣснялся.
Извѣдалъ я, что убивать
Не могушь грозныя спрданья,
Пока мы будемъ сохраняшь
Любви чистѣйшей упованья.
И здѣсь ли, другъ, всему конецъ?
Взгляни.... надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!

C.1

Stanford University Libraries



3 6105 036 922 396

PG
3337
.K654
.C5
1825

[illegible]

